

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Рудольф Мельцер

ПЯТАЯ ГРАФА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ПЕТРОЗАВОДСК 2016

УДК 617
ББК 54.58г (2 Рос. Кар) 6

М 48

Издание осуществлено при поддержке
Федеральной еврейской
национально-культурной автономии и
благотворительной помощи Евгении Игнатенко

Редактор Дмитрий Цвибель

Мельцер, Рудольф Ионтнелевич

М 48 Пятая графа/Рудольф Мельцер; Еврейская религиозная
община. - Петрозаводск: , 2016, 56 с., ил.
(Библиотечка газеты «Общинный вестник»; вып. 20)

ISBN

УДК 617
ББК 54.58г(2 Рос. Кар) 6

© Рудольф Мельцер

ПЯТАЯ ГРАФА

*Через целую жизнь я пронес
Безответный еврейский вопрос.*

В. Вишневский.

Однажды в кронах деревьев, возросших вдоль дачных берегов Кончезера, мы с женой «среди бела дня» увидели клубящееся черное облако ворон, в центре которого, отбиваясь из последних сил, крутился волчком и опрокидывался филин. Он мужественно сражался за свою жизнь, пытаясь вырваться из кипящего ненавистью орущего круга. А, может, это была сова и у нее «по жизни» были с воронами идейные разборки. Не знаю. Да и какая разница. Этот пестрый желтоватый ком, ведущий неравный бой за право на существование с превосходящими силами воронья, навсегда останется у меня в памяти символом осатанения. Как и удаленный теперь из паспорта «пятый пункт». Все адекватные люди давно поняли, что

К какой бы мы не относились расе
Становимся равны мы на матрасе.

Одним из основателей разрывающей человечество расовой теории, которой до сих пор руководствуются современные фашисты, был мой «земляк» по Эстонии Альфред Розенберг. Правда, мы с ним разминулись, он жил там задолго до моего рождения. При Гитлере А.Р. еще до начала ВОВ эмигрировал в Германию, как остзейский немец, где стал даже министром. Казалось бы, это все уже замшелая история, но три года назад в самом центре эстонской столицы, которая в советские времена была еще и базой Балтийского флота, где служил мой отец и выросли мы с братом, был установлен стеклянный «Крест Свободы», вершину которого украшает тот же самый «рунический» знак, что носили на рукавах солдаты СС.

Дело А. Розенберга живет, к большому сожалению, не только в Эстонии. Сейчас это грязное знамя подхватили на Украине. Впрочем, тараканы тоже пережили динозавров, демонстрируя в 30 раз большую устойчивость к радиации и практически не изменившись со времен палеозоя. Но так и остались тварями, ненавистными для каждого нормального человека. Правда, их это совершенно не волнует. Сейчас лаборатория чешского профессора Мухи (это фамилия, а не псевдоним) разрабатывает новое биологическое оружие для уничтожения тараканов – спецвирус, который будет убивать только их, оставаясь для всего остального мира совершенно безвредным. Мировому политическому сообществу тоже надо бы подумать о чем-то подобном.

Все мы люди-человеки, но уже давно и не мною подмечено, что если начинать фразу с неожиданных слов, например, «а вот у нас, масонов...» слушают тебя намного внимательнее. А некоторые даже начинают записывать. Остается только запомнить их лица, чтобы потом знать, кого и за что благодарить. Эти «каллиграфы» во все времена старательно поддерживали и инспирировали любую чушь и гадости, типа расхожего представления, что русский всегда пьяница, охлажденный северным ветром финн спит на ходу, еврей - хитрец и жадина, а прокаленный солнцем араб боится даже смотреть в сторону морозильника. Тем, кто дружит с головой, такое «этнографическое» отношение к людям претит. Им всегда было понятно, что никто не хочет чувствовать себя, «как живая лиса в пушном магазине». То-есть, расцеловывания во все места ни одному нормальному человеку для полного счастья не требуется, но справедливости жаждет и ищет любая живая душа. Впрочем, еще в древнегреческой трагедии «Антигона» маленькая девочка требовала у царя *абсолютной* справедливости. А он объяснял ей, что это «такое же зло, как и абсолютная анархия». Добавлю от себя: и еще многое другое абсолютное. Это необходимо понять всем тем, кто уже давно не маленькая девочка.

Тем не менее, на нашей территории такая средневековая дикость, как черта оседлости, дожила до 20 века. Подобные нравы «застряли» не только у нас. В Италии еще в 1937 даже всемирно знаменитый тенор Марио Дель-Монако не мог без боя жениться на своей возлюбленной: закон запрещал браки между католиками и иудеями. Мир давно уже стал таким маленьким, что все этносы толкаются локтями и активно обмениваются генофондами. Я даже видел в детстве на стене поликлиники Балтфлота санбюллетень с фотографией негрочукчи. Основным посылом этой настенной информации было, конечно, воспитание интернационализма в наших многонациональных военно-морских силах. Правда, слишком прямолинейно и не очень «уклюже». Как в этом немудрящем произведении:

Когда родит однажды дочь
Вам двойню черненьких, как ночь,
Пускай не правит вами злоба:
На толерантность это проба.

Лучше не дожидаться, когда тебя «опробуют». Никто не должен и слишком полагаться на мнения, оценки и суждения так называемой интеллектуальной элиты. Те журналисты, писатели и деятели культуры, которые во многих странах превратились в СМИ-номенклатуру, бывают слишком самонадеянны и высокомерны, чтобы можно было доверять их анализу, не говоря уже о субъективности моральных и даже юридических оценок. Надо самим веселее складывать и вычитать, делить и умножать. В очень колоритной «деревне городского типа», где я отработывал «свой срок» по распределению, жил мудрый старик - интернационалист, дочка которого была первой и последней многодетной матерью – одиночкой, которую я видел в своей жизни. Дама любвеобильная, а при этом еще и честная, она всегда давала детям фамилии их настоящих отцов (например, Штейн, Шанава, Коккоев и т.д.). То-есть, была грозой поселка и всех «командировочных». Когда таких «детей разных народов»,

как пелось в одном из гимнов того времени, набралось полдюжины, смысленный и любящий дед пошел со всеми свидетельствами о рождении в поссовет и все детишки в одночасье стали Доброславовыми, - как и их мудрый предок. Вот вам и все особенности современной отечественной генеалогии, уважаемые сограждане. И это был далеко не первый подобный вклад в отечественную историю формирования этнических групп. А поэтому,

Генеалогии своей рисуя древо,

Знай, часть ветвей всегда растет налево.

Такого интернационального банка крови, как в России и США, больше, пожалуй, нигде не увидишь. Только у них из разных этносов уже сложилась одна нация – *американец*, а у нас *россиянина* все еще нет. У Г.Л. Дитрих в «Окончательной судьбе» говорится о том, что наши «планиды предопределены космическим выбором». То-есть, дается понять, что от нас ничего не зависит. На деле это не совсем так. Хотя связь между случайностью и необходимостью уже определена, «ручное» управление данной проблемой вполне реально. А называется это свободой выбора своей позиции по отношению к другим людям. Для меня основным из критериев в таких делах всегда была и остается проба на пятый пункт. А если конкретизировать, понимание того, что «когда сынов Отечества определяют по крови, у Родины наступают критические дни». Недавно я с большим интересом прочел в библиотечке «Общинного вестника», издаваемого нашей общиной, несколько небольших очерков о людях, с которыми меня не раз сводила профессиональная судьба, и задумался о том, как мало мы знаем друг о друге, как закрыто живем. Определенную роль во всем этом сыграли и те правила выживания, в которых весь советский народ находился многие десятилетия. Что уж тут говорить о небольших этносах, не раз становившихся «козлами отпущения» в квадрате и кубе.

Читал я эти очерки внимательно и обратил внимание на тот факт, что действующие лица даже сейчас, практически на финишной прямой, все как один говорят о том, за что им постоянно портили жизнь, весьма неохотно, сквозь крепко сжатые зубы. Я понимаю и полностью разделяю их нежелание жаловаться, «тянуть одеяло на себя» и т.д. Как и многим соплеменникам, мне тоже случалось подвергаться незаслуженным испытаниям, а иногда – примитивному давлению по этническим мотивам. Но выставлял на всеобщее обозрение весь калейдоскоп своих чувств и переживаний, связанных с подобным негативом, не вижу надобности и смысла: для человека, изнутри знакомого с прелестями *советского образа жизни*, их преодоление было неизбежной проблемой. Но сейчас время иносказаний, кажется, закончилось и, очевидно, пора все называть своими именами. И при этом никогда не унывать. «Не надо печалиться...»:

Ведь в нас гемоглобин великих предков –
Философов, поэтов, докторов,
И как бы ни теснила сердце клетка,
Веселым пой щеголом и будь здоров.

Иначе нас до конца так и не поймут: чтобы ловить чужие мысли на лету, надо самому хотя бы раз пережить что-то подобное или же очень долго тренироваться. Этого от других людей требовать нельзя. Когда приходится говорить о чем-то неприятном не только тебе, но и другим людям, взаимопонимания иногда удается добиться не сразу. Тем не менее, рассказывать все как было, без умолчаний, являющихся разновидностью вранья, давно пора, даже необходимо, хотя бы для того, чтобы такие мерзости больше нигде не повторились.

Мы родились в расстрельный век,
Когда от страха всех трясло,
А сочинение “телег”
Вдруг превратилось в ремесло.
И всяк с бедой наедине
Жил наяву, как в страшном сне.

И если «выпрямлять спину», то когда же это еще делать, если не сейчас? Смутное время, когда, по Б. Крутиеру, «умный попугай сначала учился помалкивать, а только потом говорить», слава богу, ушло. И теперь пора уже рассказывать обо всем без помощи товарища Эзопа. В конце концов, еще царь Соломон предупреждал, что «нет ничего нового под солнцем», а я его заключению верю. Потому, что

Проблема, очевидно, наша вечна,
Раз путеводная звезда шестиконечна.

Не являясь специалистом по национальному вопросу, я постараюсь держаться поближе к практике и подальше от теории. Наша отечественная действительность отчетливо иллюстрирует существующий в стране тренд к ассимиляции этнических меньшинств и их растворению в титульной нации. В частности,

Маккавеев как могли
Кровь в России развели,
И теперь приснится на ночь
Может вам Абрам Иваныч.

Всевидящее народное око давно подметило эту тенденцию, породившую самый известный местный анекдот о двух финнах, проживавших в Карелии: фининспекторе и Финкельштейне. Ударной концовкой было сообщение о том, что, как потом выяснилось, это оказался один и тот же человек.

Иначе говоря, объективную реальность процесса отрицать бессмысленно. Другое дело, как, чем и с какой целью в него вмешиваются идеологи. Когда все это носит естественный характер, не форсируется политиками, процесс происходит без ломки, надрыва и взрывных конфликтов. Важно понимание того, что у человека должен быть реальный выбор отношения к этой проблеме, а так же характера и степени участия в ее решении. «Каждый выбирает для себя...». И это правильно. А вот когда начинают давить, понукать, ущемлять и вынуждать, хорошего ждать уже не приходится. Ведь это изнашивание души народа. Говорят, что истина не может быть национальной, но ведь разные этнические образования видят ее по-своему. Например, по М. Туровскому:

«Чем известны иудей?
Тем, что полон он идей.
Что пространства, времена
Для него не знают дна».

Этот достаточно комплементарный стих, по всей видимости, соответствует доброжелательному взгляду на суть дела *изнутри*. О представлении о нас *снаружи* я уже и так сказал много.

Я родился в еврейской семье, где родители прекрасно знали идиш и дома говорили на нем, когда не хотели, чтобы мы с братом узнали что-нибудь лишнее (т.е. для нас тогда - самое интересное). А этого «лишнего» в те времена было довольно много – часть родственников сидела уже до моего рождения, другая – села позже, но наговаривать лишнее не стану: многие были все еще на свободе. Отец мой, Ионтель Давидович, был по происхождению и убеждениям социально близким советской власти: его большая семья жила в голодной маленькой деревушке на краю Полесья. Того самого, о котором много позже так вдохновенно пел знаменитый белорусский ансамбль «Песняры» под управлением коренного сибиряка Мулявина: так причудливо переплетались судьбы людей самых разных национальностей в огромном Советском Союзе. Папа был в семье восьмым, но не последним. Четверо ушли на войну, вернулись трое. Отец крепко повоевал, вернулся с целым «иконостасом» наград на груди. У одного поэта – фронтовика, кстати, стих есть к этому случаю:

«Пуля его миновала,
Чтоб говорили нелживо:
Евреев не убивало!
Все воротились живы».

Самый старший из братьев отца, дядя Адольф подорвался на mine, когда ехал на «Виллисе» (машина была такая – американская) на передовую. Был начальником связи

ПЯТАЯ ГРАФА

2009 г.

*Моя еврейская красавица-
мама Роза Менделевна*

*Папа Ионтель Давыдович,
капитан первого ранга,
участник Войны*

в штабе полка. А самый младший - дядя Наум, умер уже после войны от ран и болезней. Совсем молодым. Знаменитый российский прозаик, с изрядным этнографическим уклоном, ошибался, когда огульно называл людей непереносимой для него национальности «героями Ташкентского фронта». Как человек с математической подготовкой, он не поленился уточнить и статистические данные о потерях нашего этноса на фронте: снизил их с 500 тысяч до 450. Скрупулезный был человек. Его «Иван Денисович» изрядное время был моей настольной книгой. Брат моей матери, рядовой участник Сталинградской битвы, еще до ВОВ был женат на немке из-под Ленинграда и прожил счастливо с ней всю жизнь. Моя русская двоюродная сестра, удочеренная этим дядей-интернационалистом, вышла замуж за чуваша или удмурта, я точно не помню. Да и ни к чему было. Как говорилось в одном разумном анекдоте, «главное, чтобы человек был хороший».

В школу я пошел на базе Амурской флотилии, под Хабаровском. В классе этническое разнообразие зашкаливало, но мы об этом даже не задумывались: у детей есть, слава богу, свои, более интересные дела. В пятнадцатитысячном населении базы кроме нас была еще одна еврейка из Ленинграда, работавшая, как и моя мама, линотиписткой. Военнослужащие ярко представляли почти всю семью народов СССР. Хотя большинство, разумеется, составляли славяне. Особенностью были коренные жители (нивхи, нанайцы) и прочие небольшие группы, которые в царской России имели общее «ученое» название – ихтиофагов (рыбоедов). Вместе с ними мы сидели в классе, а потом, в обстановке строжайшей конспирации, скудными военными зимами вполне интернационально сидели вокруг костра в стойбище, тесали ножами замерзшие рыбы тушки и ели «стружки» с черемшой, стараясь не слишком громко чавкать от удовольствия: родители не разрешали есть рыбу «сырьем» из антигельминтологических соображений. Но разве маленьких мужчин испугаешь гипотетической опасностью? Впрочем, как и больших...

Шла война и нас больше интересовал провиант. В такое время «только злыдни легко живут», - устами Т. Дорониной сказала ее героиня из «Трех тополей на Плющихе». Думаю, что именно такое воспитание доброжелательного отношения «детей разных народов» друг к другу представляет особую ценность и является эффективным. Призывами и лозунгами в нацполитике не многого добьешься. Все ведь «мечтой о мире живут».

С 11 лет я жил в Эстонии, куда перевели служить отца. Женат на русской, отцовская часть предков которой берет свое начало от немецких стеклодувов Веллингов, приглашенных в Россию еще Екатериной Великой. В семейной жизни мне сражаться на полях интернационализма не довелось. В связи со своим поселковым прошлым, да еще в условиях севера, моя супруга была этнографически подготовлена слабо. Нет, она слышала кое-что «по этому вопросу», но больших эмоций не испытывала. На четвертом году совместной жизни, когда уже дружно «слиняли» из ЦРБ в клинику ординатуру разных Ленинградских медвузов, жена угостила меня очень «вкусным» эпизодом: «У нас есть доктор с украинской фамилией Ерусалимчик». Я насторожился. «Очень знающая, но старенькая уже. Утром облачитя в халат, сядет на диван, покормит отделенческую кошку яичком вареным и говорит: «Ах, как я устала». Нам было где-то лет по 25. Сейчас-то я на 77% понимаю эту старую и одинокую ленинградку, потерявшую в блокаду всех близких и доживавшую свой медицинский век с «украинской» фамилией, происхождение которой я молодой супруге коротенечко пояснил. На всякий случай.

К слову, есть анекдот, который я помню с детства:

«Маленький Додик приходит из школы домой и рассказывает маме:

- У нас в школе будет ставиться пьеса, и мне дали роль еврейского мужа.

- А что, ты не мог попросить роль со словами? – спрашивает мать».

У меня уже больше 55 лет - роль со словами. Правда, их не так много, да и говорю я тихо.

Ортодоксом мне уже не бывать, так как изначально я продукт российского культурного пространства, толком владею одним (русским) языком, который, соответственно, и является родным. Никаких неясностей национальной идентификацией у меня не осталось еще в тинэйджерстве. В последующие годы никакие из существовавших идеологических и психологических щелей и даже целые их лабиринты не могли уже увести меня от глубинного ощущения связи с собственным этносом, хотя иногда и в нем встречались такие персоналии, что полюбить их без памяти было сложно. Процессу кристаллизации и осознания своей этнической принадлежности способствовало, в основном, мощное давление окружающей среды. Национальная самоидентификация в условиях социалистической Родины всегда проходила в обстановке однозначных социально-бытовых подсказок и ощутимых подталкиваний сомневающихся в спину. Хочешь быть как все, правильным, настоящим нашим, - будь русским. В семье никакой подготовительной обработки мы с братом не подвергались, а мое детство вообще проходило во время ВОВ, когда антисемитизм воспринимался нашим обществом резко отрицательно: страна воевала с фашистами. Все у нас, по экстремному решению, изрядно струхнувшего генералиссимуса были в те годы – «братья и сестры». Впрочем, «недолго музыка играла»: уже в 1943 году редактор «Красной звезды» Ортенберг получил из Главного политуправления жесткие рекомендации очистить (!) газету от авторов-евреев. В Таллинне, где проходил весьма увлекательный подростковый период моей жизни, нацвопрос разворачивался, в основном, в плоскости «русские-эстонцы», а до нас дело не доходило.

Пару раз, по мелочи, я получал «сигналы», но здорово на них не «застревал». То есть, лет до десяти я с проблемами «пятого пункта» не сталкивался вообще. Только потом мне стали периодически напоминать об этом «недостатке». В разных филологических вариантах. По всей видимости, некоторые окружающие «помогали» самоопределяться: когда во дворе мы подрались с соседским пацаном, его мать кричала на все четыре этажа, что *только евреи так не умеют детей воспитывать*. А в секции спортивного фехтования Таллиннского общества «Калев» проигравший мне поединок Томас Соотна с каинской улыбкой сообщил мне, начинавшему бородачу, покрывшемуся в 15 лет рыжим пухом: «Юдэс поротка» (еврейская бородка). А у меня в руках была сабля. Наш любимый тренер Тармо Каурит тут же прервал наш поединок и как следует поддал обоим, что сразу же восстановило интернациональный климат в секции. Впрочем, приятелями мы с Томасом так и не стали, несмотря на то, что плечом к плечу еще три года оставались основными мушкетерами сборной Эстонии. Постепенно до меня доходило, что все это такие мелочи, на которые не стоит реагировать, чтобы не радовать подобную публику достигнутым эффектом. К тому же, аналогичных поганцев – ЛЕГИОН.

Затем был длительный антракт, который охватил период учебы в 1-ом Меде, где таких, как я было много, и три года работы в деревне городского типа. В Карелии тогда, может быть, что-то и слышали о подобных этнических проблемах, но не сталкивались с ними: своих, северо-западных, вполне хватало.

Вновь все началось с первых дней учебы в клинической ординатуре, но уже в латентном варианте – «подковерном». С периодическими мерзкими протуберантными выбросами, когда причина ненависти была совершенно ясна, но умело закамуфлирована подо что угодно другое, смотрящееся более прилично. Что поделаешь, на Земле уже не так просто найти душу,

в которую ни разу не плюнули. В итоге, от такой умело разжигаемой «дружбы народов» плохо было всем, причем независимо от должностного калибра, значимости «для народного хозяйства» и даже заслуг перед партией и правительством.

«Ну что, Мойша Жаров, ты еще жив?» - звонили всенародно любимому актеру специальные граждане, когда Михаил Иванович отказался развестись с женой шестиконечной национальности, родителей которой накануне посадили. «Общественность» театра отреагировала быстро: М. И. скоростижно выперли из секретарей партбюро родного театра.

А он не поджал копчик, а пошел на Старую площадь, в высшую партийную инстанцию, отстаивать свою родню. Вскоре родителей жены освободили. Прознавшие об этом наиболее хитропопые служители Мельпомены начали поздравлять М. И., поднимавшегося по лестнице театра, а он отвечал им такой лютой бранью, какой от него никогда не слышали даже те, кто прослужил с ним рядом практически всю жизнь.

Несправедливость в этом мире, к сожалению, часто остается безнаказанной. Правда, некоторые историки утверждают, что египетские фараоны часто погибали от кариеса, после того, как все стоматологи ушли с Моисеем. Однако сам Моисей так и не ступил на землю обетованную, ему довелось только глянуть на нее с иорданской стороны. Так круто он был наказан за то, что усомнился в могуществе Всевышнего. Зато сквозь скалу, в которую он раздраженно ударил посохом, пробился родник. И люди пьют его чистую воду до сих пор.

Если говорить совсем откровенно, мне, как и многим моим соплеменникам, приходилось не раз приспособливаться к совершенно неожиданным обстоятельствам, неписанным законам и правилам, а также

новым способам существования в условиях социального зазеркалья. Догадываюсь, что это не лучшим образом сказалось на моем характере. С таким «напрягом», вероятно, связана и привычка к рациональному консенсусу, а также отсутствие brutальной прямолинейности в отношениях с окружающими. Зато я никого не подсиживал, всегда старался не брать лишнего греха на душу и ни у кого «кусоч хлеба» изо рта не вытаскивал. Как поется в еврейской колыбельной, у каждого «пуэлэ» под колыбелькой стоит своя белоснежная козочка. Так что лучше еще в детстве научиться ее не пачкать.

Регулярные обострения дружбы народов, связанные то с внешними, то с внутренними событиями, являются осложнениями хронической недостаточности отечественной национальной политики. Это прямой результат ее декларативности и непоследовательности. Длительные «перекосы» привели к возникновению множественных фокусов межэтнического напряжения, и... мы живем теперь в другом государстве.

Отношение окружающих к семитам у нас в стране описать легко и просто: терпят. И мы это не только знаем, но и чувствуем, пусть и не каждый день. Благо большинство из нас жизнелюбы и редко депрессируют. Но иногда от житейских сложностей и тягот глаза все же потеют.

Разумеется, не одни мы подвергались скрытому и прямому давлению и даже выдавливанию. Беда коснулась многих небольших по российским масштабам этносов. Десятилетия я проработал плечом к плечу с кандидатом медицинских наук Сенни Михайловной Ошуковой, в девичестве Питкянен. В тридцатых годах, в порядке зачистки Карельского перешейка от коренного угро-финского населения, всю ее родоу в одночасье вывезли в Заполярье, где ссыльные ингерманландцы «комфортно» зазимовали в *брзентовых* палатках прямо в тундре, у подножия Хибин. Такие пробы на выживание пришлось

пройти тысячам и тысячам обычных людей, вся вина которых была только в том, что они были «неправильными пчелами» в нашем теперь общероссийском, а тогда еще советском улье.

В истории каждого народа есть такое, что он не сможет забыть никогда, сколько бы времени ни прошло. Для нас это Холокост. Изрядная часть веточек и моего генеалогического дерева во время оккупации была навсегда оборвана в селе под Чернобылем. Фашисты вместе с местными «ассистентами» расстреляли моего деда Давида, бабушку Пэрелэ, теток, двоюродных братьев и сестер, съехавшихся из разных городов Союза к старикам на летние каникулы: родители отправили поесть фруктов и закупаться в Припяти. Для многих жителей этого местечка со значащим названием Чернобыль мир взорвался еще в 1941 году...

Дед мой Давид был местным ветеринаром-самоучкой. Так что я потомственный медик. А что такое Давид? В смысловом переводе это тот, кто стоит в центре круга. И я уверен, что мой дед, носивший это библейское имя, когда стоял на краю расстрельного рва за околицей полесской деревушки и держал за руки своих внуков, ни за чью спину не прятался. Я всегда помню, что я сын, брат, племянник и внук своего расстрелянного и сожженного народа. Пафосно «звучать» не хотелось бы, но, как гласит пословица, однажды «на жару и камень треснет».

В одной из своих «фрашек», а в переводе с польского – мелочей, как называл сам Станислав Ежи Лец свои небольшие только по размеру произведения, автор справедливо заметил, что евреи уже выполнили «обязательные поставки» мучеников. Многострадальная Польша первой попала под гусеницы гитлеровской военной машины, двинувшейся на восток. Вскоре уже два миллиона польских евреев томились в гетто. Следует отметить, что многолетние традиции местного антисемитизма, который и в предвоенный период процветал здесь, а этот факт

сквозь зубы признается рядом польских исследователей, были причиной того, что большинство населения этой страны не только не стремились чем-то помочь, но и не сочувствовало узникам. К слову, первая карательная акция была проведена в местечке Едвабно под Белостоком, где совсем не «фрицы», а местные крестьяне 10 июля еще 1941 года вырезали 1600 своих соседей – евреев. Немцам было достаточно только дать понять, что они вмешиваться не станут. Впервые рассказал об этой трагедии в 2000 году американский историк Ян Томаш Гросс и в качестве гонорара получил на родине, а он поляк по происхождению, персональный ушат грязи. Не следует, однако, никогда забывать и тот факт, что 6554 поляка носят звание «Праведник народов мира», который израильский институт Яд ва–Шем присуждал тем, кто во время войны спасал евреев, рискуя собственной жизнью. Польша Ирэна Сендлер спасла из Варшавского гетто 2,5 тысячи детей. Я не мог даже представить себе, как это можно было сделать в тех жутких условиях. И решил уточнить все в публикациях о ней. Нашел книгу, посвященную ей, которая была издана в Америке. Выяснилось, что И.С. удалось создать организацию, которая вывозила детей из гетто в карете скорой помощи, выводила через коммуникационные сетевые каналы и даже выносила через обычных авоськах. А еще ей помогали родители выносить детей в ящиках для плотницкого инструмента и гробах. «Мне до сих пор снится», - писала она, - «как кричали дети, расставаясь с родителями», которые делали *немыслимое* – отдавали их чужим людям, чтобы спасти. И.С. осталась невоспетой героиней. Ей нет памятника ни на чьей земле. Есть только оливковое дерево, посаженное в ее честь через сорок (!) лет в Израиле. Историки пишут, что таких, как Иоланта (подпольная кличка И.С.), в Польше был один процент, но в тех условиях и это, вероятно, было бы уже много.

Дело в том, что ряд дискриминационных ограничений по отношению к нацменьшинствам был введен правительством Польши еще до начала войны. Уже к лету 1939 еврейские дети были лишены какой-либо социальной защиты и пособий. Чуть позже его указом из госорганов были уволены все работники еврейского происхождения. У каждого народа есть свои добрые сердца и свои негодяи. Но даже маленькая ложка широко известных отходов портит бочку меда. Выдавливание евреев из этой страны уже практически завершилось. А ведь многие из них не мыслили себя вне Польши. Да и сейчас трудно представить 20 век Польши без Юлиана Тувима или Станислава Ежи Леца, евреев, которые прославили на весь мир литературу этой страны ничем не менее Генрика Сенкевича. К сожалению, урок далеко не всем пошел впрок: процесс забивания националистических клиньев продолжается и касается он, разумеется, не только нас, так как и доброта и злодейство всегда были интернациональны. И на стенах барачных в концлагере Дахау совсем рядом были выцарапаны кресты и звезды Давида. Да, в Освенциме в большинстве своем сожженные фашистами люди были евреями. Слово «ШОА», которое переводится с иврита как «Катастрофа», стало во всем мире символом того, что произошло с еврейским народом в годы Второй мировой войны. Но в этом же лагере превратились в пепел и около 15 тысяч советских военнопленных, на которых испытывался смертоносный газ Циклон-Б. Катастрофа была и остается общей, а стало быть, память о ней должна быть одной на всех приличных людей. Более 600 тысяч евреев, согнанных только в Будапештское гетто, отправлено потом в небо над Освенцимом. Уцелели из венгерских евреев лишь те, кого Красная Армия еще застала в гетто при освобождении столицы этой от фашистов. В ту зиму, когда наша армия освободила заключенных нацистского концлагеря Освенцим – Биркенау, весь мир, наконец, услышал историю людей, побывавших за его стенами и оставшихся в живых.

Они до сих пор заставляют сердца сжиматься до размеров гранатового зернышка и замирать. Мы вместе со всеми соотечественниками пережили невозможное, но иммунитета к катастрофе, как известно, не бывает. Да и не должен ни один народ его вырабатывать.

Так что вопрос «быть или не быть» вовсе не датский, а наш, еврейский. И жизнь уже ответила на него положительно: быть! Но услышали это не все. В частности, Борис Пастернак, бежавший от своего еврейства, пошел даже на тяжелый конфликт с отцом, «не заметил» Холокоста. В 1946(!) году, ознаменовавшемся послевоенным рецидивом государственного антисемитизма, в письме двоюродной сестре О.М. Фрейденберг он сообщил о начале работы над столь нашумевшим романом так: «Я свожу в нем счеты с еврейством». Но, как выяснилось позже, поторопился:

«...Дождь над Переделкиным дрожит,
А на указателе к могиле
Пастернака выведено: «Жид»...

Это заключение по обсуждаемому вопросу принадлежит перу Риммы Казаковой, однажды посетившей место упокоения своего «товарища по оружию». Так что

Как ни рвешься, ни блажишь,
От себя не убежишь...

В роли еврейского вечного двигателя всегда выступали воспитанные веками раскаяния тяга к знаниям, трудолюбие и, конечно, такое обязательное для выживания условие, как «быть, по крайней мере, не хуже других». Эти спасительные качества были необходимы, так как они обеспечивали конкурентоспособность и позволяли не затеряться среди других народов. Продолжу экспликацией из статьи главы петрозаводской общины Дмитрия Цвибеля, опубликованной в ее вестнике, где речь идет о его взгляде на эту проблему: «Находясь среди других народов и культур и служа им, совсем не обязательно забывать свои истоки, забывать кто твои предки,

и откуда у тебя то, что выделяет тебя среди окружающих, не дожидаясь, когда тебе об этом напомнит их пристрастное внимание». Марк Шагал так сформулировал свою позицию по этому вопросу в одном из эссе: «Если бы я не был евреем, какая это понимаю, я не был бы художником или был бы совсем другим художником». Короче, пусть уж государи отрекаются от чего хотят, а нам, простым смертным это ни к чему. И Борис Пастернак, признанный великим русским поэтом, несмотря на то, что он «свел счеты с еврейством», для *некоторых* так и остался «жидом». Хороший повод задуматься... А собственно, о чем? Просто надо быть тем, кто ты есть. Это вовсе не означает, что обязательно нужно надеть лапсердак и отгородиться пейзажами от мира. Необходимо знать свои корни, свое предназначение в этом мире: «Приходите, сыновья, и слушайте меня – я научу вас трепету пред Господом. Пусть тот, кто стремится к долголетию, кто желает видеть добро во все дни свои, удержит язык свой от злословия и уста свои – от лживых речей. Пусть удалится от зла и творит добро: стремится к миру и добивается его». Так гласит псалом 34. Лучше объяснить понимание этой проблемы невозможно.

Казалось бы, кому не ясно, что мир – это хорошо. Как и многие соплеменники, я никогда не понимал склонности к немотивированной конфронтации. Почему такие конфликты все же происходят, люди, по-моему, не всегда могут и себе точно объяснить, не то, что другим. Не зря мудрые китайцы давно говорят, что иногда потерять врага гораздо труднее, чем найти друга. Тора учит не делать другому того, что ненавистно тебе самому. Нам с братом это объяснила мама еще в детстве. Всегда следовать данной заповеди очень трудно, и я особенно глубоко понимаю это сейчас, на финишной прямой своего преподавательского марафона, который скоро уже подходит, с Божьей помощью, к «полтиннику». Я не доллар и даже не девушка.

Соответственно, по ходу дела, сталкивался с разным отношением окружающих. Единодушнее всех по реакции на конкретный персонаж была прослойка руководителей. Очень ценила меня только заведующая винно-водочным отделом гастронома у Финляндского вокзала, где я студентом подрабатывал в качестве грузчика: я не крал и всегда был в работоспособном состоянии. К тому же, у меня был самый низкий процент «боя» продукции. Практически все мои последующие попытки выстроить спокойные рабочие отношения с начальством были тщетны: все пальцы на руках у большинства из них были указательными. А ведь я изначально на много и не претендовал, - даже безразличное отношение я рассматривал как благо: один из моих наставников по кандидатской давным-давно объяснил мне, что хороший руководитель – это не тот, кто помогает, а тот, кто не мешает. Еще из Угловской клиники, где в молодые годы начиналась моя учеба в клинической ординатуре, я вынес одно ясное представление: у культуры общения с коллегами есть определенная особенность. Ее присутствие незаметно, а вот отсутствие сразу бросается в глаза. По моим представлениям это понятие включает в себя достаточное воспитание, выдержку, терпимость, доброжелательность, грамотность вообще и обученность по профессии, разумную простоту в общении и т.д. Разумеется, отыскать таких идеальных людей почти невозможно. Практически полностью соответствовал всем требованиям только мой первый учитель, тогда еще м.н.с. и к.м.н. Зот Кирьянович Башуров. Мне и не снилось примерять эти условия на себя: я не самый злой человек, ни на кого не повысил голос за все годы работы, национально толерантен и довольно грамотен. Но это такая малость по сравнению с тем, чего иногда требовали от меня обстоятельства. Жизнь делала из моих соплеменников социальных канатоходцев. Чтобы не свалиться с высоты, не загреть под откос надо было все время держать в руках баланс.

На Кавказе этим балансом был длинный шест, а нам его заменили образование, обученность сложным ремеслам, искусство и литература. Должен сразу оговориться: у всех народов есть и дураки свои и умники. Никаких гарантий и бонусов, принадлежность к какой-либо национальной группе не дает. Я имею в виду – врожденных. В медицине доброжелательные отношения между коллегами особенно важны, так как очень многие знания и умения передаются из рук в руки, как эстафетная палочка. То есть, необходимо душевное расположение или хотя бы отсутствие «отталкивания» в тандеме учитель-ученик. Поэтому, очевидно, и отсутствует заочное медицинское образование. «Люди, люди, - х на блюде», - афористично заметил как-то премудрый Игорь Миронович Губерман. Врачебная интуиция подсказывает мне, что он во многом прав.

В отличие от моего поэтического гуру, никаких планов по поводу «фурагина» (в переводе с идиша, - драпака) в другие места я никогда не строил, хотя многое на Родине хотелось бы видеть другим. Когда начался массовый отъезд евреев на «историческую» родину, некоторые неосторожные люди задавали мне вопросы системы «а чо Вы...» Я злился и не всегда проходил мимо «недоумевающих», пытался даже объяснить, что я не у них в гостях, а у себя дома, что мои предки живут здесь не первое столетие и за эту мою «неисторическую» родину три предыдущих поколения ходили в бой, проливали кровь и погибали. Да и я, хотя и не воевал, но свое на нашем подводном флоте отслужил. В основном, я связывал подобные бестактные попытки лезть в чужую жизнь с недостатком ума и воспитания. А целому миллиону эти вопросы «помогли» переехать намного южнее. Сейчас я, вообще, смотрю по сторонам с недоумением:

Ну, не пойму, зачем вы нас «ушли»,
Раздумьями об этом часто маюсь:
На смену нам «арбайтеры» пришли,
А насчет «гаст» - я крепко сомневаюсь.

Наше государство пережило общественно-политическое землетрясение. Многие вечные истины оказались жизнеспособными только в прежнем пространственно-временном континууме. Воробьев, наконец, оставили в покое и нами («жидами») не обзывают, но сама проблема отсутствия толерантности остра до сих пор. Принципы интернационализма в нашей стране, к огромному сожалению, были чисто декларативными, а на практике процветала скрытая ксенофобия. Это и привело в последующем к скоропостижному развалу Союза на десяток держав. Одним из наглядных и первых симптомов этой катастрофы был всесоюзный День опричника с ритуальными омовениями в фонтанах – «праздник со слезами на глазах» для всех смуглых пролетариев рыночной торговли, которые еще накануне стремительно удалялись в сторону своих конспиративных квартир. Но государство не считало нужным на это «баловство» реагировать. Сейчас власть, слава богу, перестала «не замечать» эту грязь, поняла, что она легко может облепить и утопить наш многонациональный «ноев ковчег». Жизнь показала, что не так уж сложно вызвать подобные эмоции неприятия у отдельных людей, облыжно предъявляя кому-либо рядом с ними обвинения в хитрости, гордыне, врожденной жадности, неблагодарности и тяге к необоснованным предпочтениям. Но, чтобы проделать такой психологический трюк с целым народом, обычно приходится потратить много сил, времени. Результат видели все не так давно на майдане.

Как и многие «ex nostris», я восхищаюсь, например, чистотой и прибранностью сопредельной Финляндии, причем не только в городе, но даже в лесу. С некоторой завистью замечая также упорядоченность жизни каждого отдельно взятого «финика», но одновременно с чувством внутреннего раскола ощущая, насколько странным и чуждым для меня является этот пенсионный рай с его эмоциональной прохладой и дистанционными соседскими приветствиями типа «хей-хей».

Одолевает пагубная привычка к родному простору с редким разнообразием беспорядка, чертополохом на городских обочинах и гостеприимно распахнутыми помойками, выступающими в роли кормушек для бомжей и онежских чаек, успешно конкурирующих с ними. Это как следы противооспенной прививки на плече у каждого здешнего уроженца: на всю оставшуюся жизнь; но они спасают нас от страшного зверя – скуки. А вот этническую толерантность они сумели наладить, как настоящие прагматики: за послевоенный период эта небольшая страна организованно приняла в свои не очень-то многочисленные ряды около 500 тысяч приезжих и всех пристроила к делу. Причем, пусть и со скрипом, не без каких-либо существенных скандалов.

Иногда от некоторых межэтнических моментов меня, как, вероятно, и многих других, просто выворачивало: известный во всем мире пушкинист Натан Эйдельман, всегда относился с большим пиететом к нашему не менее знаменитому писателю Астафьеву. Однажды Н.Э. позволил себе обратиться к нему с письмом в защиту «малого народа» Грузии, полагая, что писатель в одном из своих произведений был неосторожен и случайно допустил бестактность. В ответ он неожиданно получил грубую антисемитскую отповедь. Когда же великого русского писателя потом спросили, почему он так поступил, в ответ прозвучало: «Потому что они всюду лезут!..» И мы продолжаем жить, если не вместе, то рядом. Нам не привыкать. Хотя довольно трудно быть оптимистом, не имея на это существенных оснований.

Иудеи живут
От беды до беды,
Вот поэтому их
И жидеют ряды.

Присущее нам неутолимое стремление сделать все «как лучше», в том числе и существование тех, среди кого мы живем, одной фразой охарактеризовано И.М. Губерманом: «Мы слишком раскаляем утюг, глядя чужие брюки».

Сейчас мы вместе со всем народом, строим очередное светлое будущее на древней и вечнозеленой Среднерусской равнине. А как хотелось бы хотя бы под конец повстречаться с таким светлым *настоящим*. Но ничего не поделаешь: такова цена выживания. Неподъемное бремя проблем рано или поздно может породить у людей чувство опустошения, депрессии, усталости, но не мысли о завтрашнем дне, детях и солнце. Вот только конкретных идей, как это все изменить, электорат сейчас практически не имеет и не видит. Слышит только. То есть, «бытие продолжает опережать сознание в темпах роста». И нетерпеливая молодежь продолжает «делать ноги» на радость отделам кадров различных силиконовых долин.

Мигрируют активно наши гены,
Напор судьбы шумит в их парусах.
А перевозит их обыкновенно
Еврей тысячелетия – в трусах.

Чего только с нашими людьми не случилось на этом крестном пути: чудеса, да и только. Возьмите, например, всеми любимого певца Джо Дассена, который своей звучной фамилией целиком обязан американской таможне: во время иммиграционного контроля служащий спросил его отца как фамилия свежеиспеченного американца. Одесский еврей не знал английского и гордо ответил на идише: «Их бин Одессен». Чиновник ни звука не слышал об этом славном городе и записал, как слышал: фамилия – «О. Десен». Так в Нью-Йорке и появился потом Джо Дассен. А много лет спустя умер в один день с В. Высоцким. Таким же знаменитым и всеми любимым.

Как и многие представители моего поколения, идиша я не знаю. Помню только несколько еврейских ругательств и проклятий, которые намного «травояднее» русских. Во взрослом состоянии я осознал наше с братом незнание языка, как большую потерю. Думаю, что родители, прекрасно владевшие своим языком, сделали так сознательно, опасаясь за нашу безопасность.

Комплексом нацмена я не страдаю и не имею серьезных оснований считать лично себя кем-то вусмерть обиженным. По крайней мере, мне так все представляется. Не собираюсь я и каждое утро делать себе обрезание из идеологических побуждений. Я просто пишу о том, с чем нас сталкивает жизнь каждый день, чтобы любому стало ясно, чем отличается в условиях нашего стонационального государства рациональная толерантность от пресловутой «дружбы народов». У меня эта дружба, вообще, вызывает большое сомнение в плане своей осуществимости: по-моему, это так же реально, как история с Керроловским «чеширским котом», точнее, его улыбкой, оставшейся висеть в воздухе после исчезновения самого котофея. Речь надо бы вести об организации нормального сосуществования «в одном государственном флаконе» и жестком неприятии обществом любого, кто сеет рознь и прочие «зубы дракона». Необходимо настойчивое воспитание в обществе веры в победу добра над злом. Ибо в одной из заповедей сказано: не пожелай зла ближнему своему. Цитирую по смыслу, за что винюсь.

Тысячелетия стремительно летят,
Хотите вы того иль не хотите,
Но заповеди, пусть уж нас простят,
Написаны сначала на иврите.

Само же этническое многообразие, если власть не распускает всяких уличных «бультерьеров», способно принести государству оздоровление населения и всяческое процветание. Примеры наглядны и общеизвестны. Я имею в виду Сингапур, где идеологический отец новой нации законодательно научил всех жить *вместе*. И, к тому же, не писать в лифте, который за это сразу током бьет. А наши чиновники все еще ограничиваются словоизвержениями. Правда, после миллениума их реакция начала заметно меняться в лучшую сторону.

За школьные годы я изрядно обэстонился. Первая из 7–8 главных врачей, при которых мне довелось в «горбушке» (БСМП г. Петрозаводска) работать, в состоянии административного раздражения даже обозвала меня однажды прибалтом. Не разобралась сразу: я блондинистый тогда был. Пришлось мягко дать ей понять, что я прибалт, но «шестиугольный». Мне всегда не нравилось, когда люди подобным образом заблуждались: могли возникнуть большие неловкости по ходу дела. Кроме того, у кого-то могло сложиться впечатление, что это я способствовал формированию данного этнического заблуждения. И взял за правило уже на ранних этапах знакомства ненавязчиво вносить ясность в этот вопрос. По этой же причине я никогда не мимикрировал в Анатолевича, а всем затрудняющимся предлагал сразу два легко запоминающихся пародийных варианта: Гантелевича и Антенновича. По созвучию.

Как человек ассимилированный не «до победного конца», а в разумных границах, я от своих соплеменников никогда не «уплывал» и не шарахался: помнил кто я такой и откуда взялся. Согласно Зодиаку – я Рыба, а если точнее и в национальной интерпретации – фиш. Соответственно, желающих «взять за жабры» всегда было достаточно. Из-за этого я и с защитой докторской диссертации припозднился. Мягко говоря. Слишком много времени и сил отнимала повседневная борьба за выживаемость по «Микки-Маусу»: у моей «норки» все время дежурили кошки. Они менялись, но общая дислокация была все время одна - ожидание моей оплошности, срыва или неудачи. Нужен был всего лишь повод «погуще». Выручали только гены, то есть труд и терпение. А целью этой запоздалой эпопеи с защитой докторской диссертации была, разумеется, при условии получения «искомой степени» связанная с профессорством возможность подольше поработать. А ведь мне уже к 60 подкатило. Впрочем, после того, что я недавно прочел, остается только встать и удалиться за кулисы: в мае 2015 года Ингеборга Силм Рапопорт, которой исполнилось 102 года,

защитила диссертацию, написанную 77 лет назад. В Германии в 1938 году уже пять лет хозяйничали нацисты, и защититься ей не дали, так как ее мать была еврейкой. Да и муж ее, Самуэль Митя Рапопорт, уроженец Волынской области не был истинным арийцем. Врач – неонатолог, И.С.Р. посвятила свою жизнь самым маленьким детям. По сравнению с ней, я защищался в пацанском возрасте. Общей была только обстановка наименьшего благоприятствования, хотя и совершенно несравнимая по тяжести. Точнее других описывал суть всего, происходившего у нас почти весь 20 век, гениальный Исаак Дунаевский: «Я вполне успешный человек, у меня есть практически все и я, улыбаясь, сижу на пороховой бочке. Как настоящий оптимист».

Я полагаю, что отношусь к ашкенази литваковского разлива. А их не очень-то жалуют за вредность и упрямство. Поясню одной давней историей. Один из моих учителей доцент И.С. Консон и его супруга, тоже доцент Маргарита Гансовна Мюллер пожилые годы проводили вдвоем. По хозяйству, поскольку они еще продолжали работать, им помогала сельского типа женщина средних лет. Отношения у них сложились добрые, приятные, хотя М.Г. на язык была довольно остра и отличалась шикарным образованием с некоторой склонностью к саркастическим экспромтам. Однажды домоправительница вдруг сделала этнографическое открытие: «Маргарита, а муж то у тебя похоже еврей». «Да», - ответила М.Г., - «а что?» «Как тебе сказать», - тактично подытожила домоправительница, - «не хвалят их».

Следует отметить, что отношения у этой дамы с Исааком Соломоновичем были, по моим многолетним наблюдениям милейшие. Несколько капель пикантности или еще чего-то в эту историю добавляло то, что М.Г.М была обрусевшей немкой.

Наше слово «хохма», столь глубоко проникшее в русский язык, переводится, как мудрость. А представление о последней у каждого свое. Также как и о юморе.

Существует антисемитский анекдот о еврее, который подал документы на смену фамилии, так как «по случаю» дешево приобрел подержанную надгробную плиту. Не удивлюсь, если его придумали евреи. В такой экономической заточенности, которой я, к сожалению, не наделен, тоже есть своя сермяжная правда, если она не доводится до апофигея. Но мне на пару световых лет ближе совсем другая наша национальная черта - склонность к самоиронии. Еврейский юмор по своей направленности всегда был средством социальной самозащиты: чужая ненависть, оказываясь, тоже может очень вдохновлять! Ирония долгое время была единственным для моего народа доступным оружием в его вековой борьбе за право каждого на чувство собственного достоинства. Да и за другие гражданские права. Ведь любой разумный общественный строй должен служить людям: «Суббота для человека, а не человек для Субботы», - вот истинный и основополагающий принцип нормального жизнеустройства. Завуалированное и откровенное неприятие нас окружающими создало в 20-м веке столь необычную еврейскую государственность, уверенно перешагнувшую миллениум.

Читая воспоминания, которые издает общинный вестник Петрозаводска, я вижу, как повторяются не только изломы судеб, но и места рождения действующих лиц в этих маленьких, но столь дорогих людям книжках. Этим еврейским «Клондайком» стал горемычный кусочек западной окраины царской России, ограниченный недоброй памяти «чертой оседлости», где «коза считалась уже достатком, а корова – целым состоянием».

Из проживавшей здесь бесправной еврейской бедноты вышли в конце XIX и начале XX веков не только многие деятели нашей российской науки, но и мощная колонна музыкантов и художников. Среди последних такие всемирно известные, как Шагал и Сутин, Липшиц и Цадкин, Лисицкий и Штеренберг. Многие из этих мастеров кисти были вынуждены в последующем под напором волны еврейских погромов покинуть свою родину.

У Гарри Бардина, великого российского мультипликатора, обладателя пяти «Ник» (без единого почетного звания к 70 годам), и у Вениамина Смехова, ведущего и теперь уже «междуНародного» артиста бывшей Таганки, деды были сапожниками. Только у одного в Киеве, а у другого в Жмеринке. У меня тоже – но в Полтаве. Смешно было бы протискиваться в такую звонкую компанию. Дело совсем в другом: наши предки работали там, где им позволяла тогда «демократичная» черта оседлости, где навсегда остались и мои корешки.

В XX веке на здешней земле произошла интеракция, которую можно рассматривать, как весьма своеобразный культурный симбиоз, сопровождавшийся взрывом креативности российских евреев. Возникшее при этом сочетание огромного давления извне и высокой социальной температуры внутри породило плеяду гениальных физиков, в том числе, нобелевских лауреатов, известных теперь всему миру писателей, поэтов, актеров, режиссеров et cetera... Причем, в изрядной степени эта эпоха наложилась на смутное время, когда идеологическая машина переехала судьбу многих светлых умов, творцов, талантов и, не побоюсь этого слова, гениев. Достаточно вспомнить Вавилова, Флоренского, Королева, чуть не павшего под Красное колесо Льва Ландау и ... «несть им числа». К сожалению, в этом плане нам далеко даже до крокодила, который относится одинаково хорошо ко всем людям, независимо от цвета кожи и вероисповедания.

Несправедливо было бы говорить, что у нас ничего не меняется. Это не так. Ко мне уже четверть века не подходит человек с пристрелянным взглядом и не спрашивает «шпионским» голосом: «А какие анекдоты любит рассказывать Теодор Самуилович?». А получив ответ, что Т.С. Польшковский, кстати, лучший в Карельской медицине 20 века патологоанатом, по тематике анекдотов - «канадский лесоруб»: в лесу о бабах, а с бабами о лесе, этот дрищ с оловянными глазами уже не страшит меня ПетрГУшными неприятностями. Времена настолько изменились, что моя страна дозрела до обвинения украинских псевдо-революционеров в пропаганде антисемитизма. И все же...

«Нынче лик у Москвы ну не то, чтоб жесток,
Не стреляет, в баранку не гнет...
Лишь возьмет, да и спросит: «Боишься, жидок?»,
И при этом слегка подмигнет».

Спешу предупредить, что это не мое, с автором я не встречался, и желающие пусть его сами ищут. Кроме того, адреса и телефона И. Иртеньева у меня нет, и с содержанием третьей строки не знаком и поэтому не согласен. Я не «барабан». А текст проходит через всю нашу жизнь одной из тех «красных» нитей, которые пошли для изготовления веревок на многие шеи в нашем прежнем «интернациональном» государстве.

Даже сейчас, когда многое в моей жизни уже практически «дела давно минувших дней, преданье старины глубокой», то есть, не имеет существенного значения ни для кого, кроме меня, я не могу себе позволить называть своими именами все до конца.

Но пока «сердце бьется, нос трясется», я останусь маленькой частичкой своего народа, которого жизнь часто принуждала слишком многое делать добровольно. На оградке материнской могилы мне хотелось по углам поставить столбики с шестиконечными звездами. Но я ведь с детства знаю здешний интернационализм. Поэтому звезды не стоят, а лежат на столбиках: иначе – обязательно отломают.

Такие «мелочи» иногда помогают сосредоточить внимание читателя на «лейб» - мотиве, как говаривала одна моя знакомая дама, а также векторном направлении разговора, письма, проблемы, дискуссии. Да, за прошедшие годы многое в нашей стране изменилось до неузнаваемости. Почти.

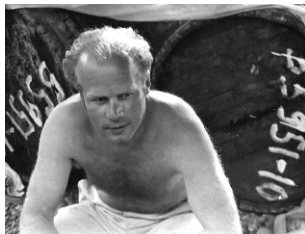
Должен оговориться: в мои намерения не входит ябедать на свою Родину. Одно дело ругать ее неустроенность вместе со своими «односельчанами», сохраняя анемичную надежду, что все вокруг враз станет «голубым и зеленым». Конечно, необходима длительная и упорная работа. Совсем другое, когда какой-то чужак начинает злорадствовать, «протягивать язык»

и совать его в наши внутренние дела. Таких мы всегда умеем вежливо остановить. Однако, друг другу пора говорить всю правду, иначе темп реформ будет нарастать со скоростью коалы, едва переставляющей лапы по стволу родного эвкалипта, и результатов не дождутся даже внуки. Мне не кажется, что я рассматриваю нашу проблему через специальное увеличительное стекло, что-то перегибаю, как мне иногда намекали. Я всегда считал антисемитизм у нас только частью более обширной мировой проблемы – ксенофобии. Когда я вступал во взрослую жизнь, время уже начало меняться. Всякое в жизни бывало, но в меня не стреляли, не избивали и когтями не драли. А для любого человека, хорошо осведомленного о «прелестях» еще сталинского времени, пережить мелкие пакости было вполне посильной задачей. Но и до сих пор слишком многие у нас «таки не прониклись духом полного и окончательного интернационализма» потому, что при «развитом» социализме хроническое течение государственного национализма периодически обострялось «отвлекающими» маневрами политиков, решавших свои текущие проблемы по главной заповеди ведущего иезуита Игнатия Лайолы, согласно которой «цель оправдывает средства». В результате уже многие годы

Родной земли многоголосье,
Дерет друг друга за волосыя.

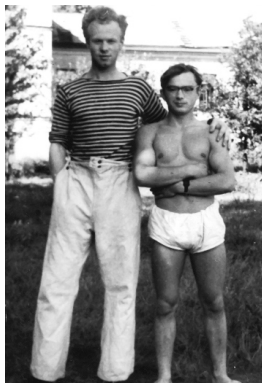
Наше российское государство, наконец, так отточило во многих своих гражданах «пейсконтроль», что смогло без всякого ущерба позволить себе убрать из наших паспортов столь «полезные» для отдела кадров сведения о национальной принадлежности каждого. Разумеется, вся эта госксенофобия касалась раньше не только нас, но и всех других «инородцев». И все-таки... зачем-то Всевышний расшвырял нас по всей Земле! Или за что-то?

*г.Полярный.
Служба на базе подводного
флота.*

*Вид из окна БСМП на
окружающую жизнь, которую
я созерцаю уже 50-й год.*

*Медслужба
подводной лодки.*

На занятиях со студентами.

1 сентября 1964 года я вошел в ординаторскую знаменитой клиники профессора Ф.Г. Углова. За крайним столом сидели 2 парня года на 3-4 постарше меня. Поздоровался. «Кто таков?» - спросил жгучий брюнет. «Клинический ординатор, травматолог» - ответил я. «Как звать?» - спросил блондин. «Рудольф Ионтелевич», - ответил я. «Это откуда же у нас такое странное отчество?» - прищурил глаз, спросил сын гор. «Ничего странного, обычное еврейское». «А шеф-то стареет», - сообщил приятелю брюнет. «Почему?», - спросил блондин. «Евреи в клинике появились», - закончил беседу брюнет. Как говорится, с «приехалом» вас. В подставленную мне бутылку я не полез: после 3 лет работы в деревне, где я пробыл практически в хирургическом одиночестве, очень хотелось учиться, а не выяснять отношения с каждым самопальным этнографом. Но выводы сделал сразу и через 3 месяца уже «съехал» в ЛНИИТО, где и проучился весь оставшийся срок клинической ординатуры. Был приглашен в аспирантуру, но, как и обещал главному хирургу МЗ Карелии М.Я. Раудсепу, вернулся работать в республику. На всю жизнь я остался благодарен к.м.н. Азе Николаевне Кедровой, ассистенту кафедры Ф.Г. Углова по моей специальности, которая своевременно подсказала мне, как этот назревший переход можно было организовать «без шума и пыли». Что ж,

«У верблюда два горба

Потому, что жизнь – борьба».

Вероятно, мне со своими «мелкими неприятностями» следовало бы «постоять в сторонке», но пробыться на учебу мне удалось с «кровопролитными боями». Вскоре я узнал, что когда коллектив «Современника» собрался в зарубежные гастроли, единственным, кого «не выпустили», стал один из самых любимых в стране актеров Игорь Кваша! Мне сразу полегчало. Коллеги актера правильно поняла причину такого решения и отказалась выезжать. Запрет сняли, и труппа двинулась гастролировать в полном составе. Ну, зачем и какой дурак все это устраивает?! К сожалению, такая победа солидарности над искушением «не заметить» встречается в природе не чаще тигров – альбиносов.

«Непоняток» и странностей, созданных глупцами от имени власти, в нашей державе, вообще, пруд пруди. Мне, например, за всю жизнь не довелось встретить ни одного еврея, жителя Еврейской Автономной области. Не знаю, куда они деваются. Но по телевизору видел. Что-то есть у этого образования и его названия общее с Чеширским Котом (извините за повтор – настольная книга): помните, сам усатый-полосатый исчезает, а улыбка его продолжает висеть в воздухе.

Я помню нарочито недоуменные вопросы некоторых «любопытных» людей, типа: «А почему евреи не восставали в гетто, концлагерях и практически добровольно шли на расстрел?». Во-первых, восставали, бежали и сопротивлялись, если была возможность. Вспомним хотя бы Варшавское гетто. А во-вторых, надо слышать и скрытый смысл вопроса: «Значит, с ними что-то не так?». На самом деле все очень даже ТАК.

В 1962 году я был в Варшаве и сидел на ступеньках этого памятника: ноги не держали. Было утро, вокруг замерла прохлада обычного городского парка. Невозможно было поверить, что мы стоим на земле Варшавского гетто. Все было слишком обыденно. Утреннее солнце еще только поднималось и семерка рвущихся из гранита узников отбрасывало длинные тени. Невозможно было даже представить себе весь тот ад, который видела эта земля. Стояла какая-то скорбная тишина. Огромный 10-метровый гранитный блок, похожий на гигантское надгробье, был доставлен из Швеции. Он заказывался личным скульптором Гитлера для памятника его патрону в Берлине. В 1948 году, когда на месте этого парка почти до самого горизонта все лежало в развалинах, по личному разрешению известного юдофоба тов. Сталина, был построен этот памятник Героям Варшавского гетто. Неисповедимы дела и пути твои, Господи: и в коммунистической Польше 19 апреля, - в день восстания в гетто, у памятника собрались люди, и горел Вечный огонь, а вокруг стояли в почетном карауле польские солдаты.

Здесь души мертвых передают живым факел Памяти.

Полмиллиона евреев сражались на фронтах Отечественной войны, 135 из них стали Героями Советского Союза. Для нашего небольшого этноса это серьезная цифра. И плена для нас не было! Моряками, летчиками, связистами, минометчиками и штрафниками сражались мой отец, его братья, мужья теток и братья матери. Не все вернулись домой. А из возвратившихся многие прожили недолго. Раны догнали их уже в мирное время. Наше поколение еще знает и помнит о них, а вот внукам осознание этого я передать как следует не сумел. А ведь у нас есть заповедь: «расскажи сыну своему». У меня нет сына, а обязанность передать, как эстафетную палочку, все то, что я видел и знаю, тем, кто идет следом, осталась.

С отмененной строкой в паспортах
Мы упрямо идем через все,
Потому что с собою в портах
До сих пор о ней память несем.

Это и заставило взяться за писанину. Писать так долго и много почти непосильное дело для такого неусидчивого человека, как я. Вся наша страна, давно страдающая ретроградной амнезией, только в последние годы, наконец, сумела предложить сегодняшним юношам и девушкам идею «Бессмертного полка», от которой сразу перехватывает горло. Ведь его солдаты шли в бой «ради жизни на Земле». Сражались субийцами, негодьями и ворами.

Такими, как А. Розенберг, благодаря всепоглощающей «любви» которого к искусству, в том числе и нашему, фашисты во время ВОВ вывезли со всех захваченных земель около полутора миллионов (!) вагонов культурных ценностей. Потрясает, разумеется, не только сам факт, но и сатанинский размах грабежа. Я с удивлением и даже некоторой оторопью прочел об этом в интересном и чрезвычайно информативном двухтомнике старшего и уважаемого мною коллеги, известного Петрозаводского уролога Валентина Львовича Дробнера.

Эти интересные и прекрасно изданные в Канаде книги, под необычным названием «Соттизье», были любезно подарены мне, как и многим другим врачам города, самим автором. Во время ВОВ В.Л. был в гетто и совершил удачный побег. В длительный период его успешной работы в Карелии мы были только знакомы: В. Л. Дробнер был постарше и «побомондистее». Я больше знал о нем, чем его, но все, что я слышал и видел, вызывало у меня уважение и интерес. Однако я был из следующей возрастной волны выпускников 1-го ЛМИ, направленных в Карелию и, соответственно, из другой тусовки. Пока В.Л. жил в Петрозаводске, я внимательно наблюдал за ним. А началось все, когда на Ученом совете медфака разбирались с пятикурсником, который что-то по мелочи спер. Все в едином порыве благородного негодования дружно проголосовали за его «изгнание из факрая»: как же, - будущий ВРАЧ украл! Я не был исключением, хотя кошки кое-где скребли: жалко было. Воздержался один В.Л. После заседания этого «трибунала» я подошел к В.Л. и спросил, почему он принял такое решение. Он помолчал и сказал: «Там ведь было мно-ого, а он экспроприировал малую толику. Значит, не от жадности влез. Да и молод он слишком». Не могу сказать, что я его сразу понял и прочувствовал. Но через год штрафник восстановился, закончил медфак, а через лет десять пришел работать в «горбушку», где и вкалывает до сих пор. Получился вполне приличный человек и отменный доктор. Вот так.

Фьючерсные способности В. Л. Д. проявились на моих глазах еще раз, когда он, я и еще один преподаватель с отрядом в 100 студентов были десантированы на поля пригородного совхоза дергать корнеплоды из уже начавшей коченеть земли. Поле было разделено на квадраты дренажными канавами, заросшими осокарем. В.Л. задумчиво гулял вдоль канавы по краю центрального квадрата. Я с интересом наблюдал за одним задумчивым студентом, который ритмично пинал ударной ногой свеклу, надежно вмерзшую в северо-западную осеннюю почву.

То есть, все занимались своим делом. А третий преподаватель совсем не баскетбольного роста почему-то решил, что на соседнем квадрате морковка покрупнее и решил проверить этот факт. Небольшой разбег, решительное отталкивание, активная разножка в полете и... вот он уже стоит надне канавы, удивленно рассматривая свои мокрые по самое «не балуй» штаны. «Ну, вот», - сказал В.Л., - «один уборочную уже закончил». Затем прошел еще метров пять вдоль канавы, нашел ее заметное сужением и, слегка подпрыгнув, практически перешагнул через нее. А я посмотрел на «подмоченного» коллегу и сказал: «Ты в следующий раз внимательно смотри за В.Л. и будешь всегда сухим, как порох». А потом вытащил его за руку из канавы. «Утопленника» мы быстренько отправили в город попутным транспортом, то есть сохранили довольно ценный кадр для медицины Карельской АССР.

Дело, в конце концов, не в байках. Валентин Львович, один из лучших карельских урологов XX века, доброжелательный и остроумный человек, живет теперь в Торонто, пишет очень хорошие книги и радуется ими нас, чем и объясняется столь необычная длина данного фрагмента.

Никаких претензий и т. д. уехавшим на ПМЖ в более комфортные места власти теперь не предъявляют:

У нас другие времена,

У нас свободная страна.

И слава Богу, что каждый волен теперь сам сделать выбор.

Я россиянин, так как всегда был и есть – часть этой земли. И когда придет мой час – целиком стану ею. Даже не могу представить себя счастливо живущим и говорящим на другом языке. Однако общественно-политическая система, в рамках которой я родился, вырос и прожил основную часть жизни, официально прокламируя лозунговый интернационализм,

рано или поздно заставляла каждого излишне четко идентифицироваться этнически из соображений оптимального выживания. Никогда не понимал, кого я должен убить, чтобы эта невидимая черта, а точнее прозрачная перегородка исчезла, но все равно верю: чтобы любить свой народ, не так уж необходимо ненавидеть чужой. Если люди когда-нибудь поймут это, жить станет куда приятнее и веселее. Но *вместе* при одном условии: Б. Шоу как-то сказал одному знакомому, который слишком активно размахивал руками: «Твоя свобода заканчивается там, где начинается мой нос». Вот и все.

Еще раз вернусь к «языкознанию». Идиш я не знаю, и сейчас жалею, что так все сложилось. А раньше было не до этого, – штормило часто. Кое-что не без труда понимаю, а говорить вообще не могу. Хорошо освоил только бытовые еврейские ругательства, скорее даже проклятья, которые довольно «травоядны» по сравнению с обычным отечественным матом, но очень изобретательны и живописны. Все это «богатство» нашло меня в ленинградской коммунальной квартире. Вероятно, родители боялись за нас, так как периодически в нашей «отдельно взятой» стране интернационализм так зашкаливал, что за разговор на «неправильном» языке в трамвае или на улице запросто могли и башку снести. А язык-то веселый, певучий, интонационно богатый: просто музыка! С какой радостью и гордостью я слушал как мои многочисленные «дядья» ладно пели на своем родном идише! Послушаешь один раз – век не забудешь! Одна их песня мне особенно нравилась: она начиналась со слов «ну почему я такой везучий парень». Очень жалею, что не выучил ее. Сейчас бы, в мои элегантные годы, самое время ее спеть. «Форвус их бин а за фартOVER ят...» И далее по тексту.

Советское время, в плену у которого прошла почти вся наиболее активная жизнь моих сверстников, до сих пор полуприкрыто сфинксовым молчанием наших архивов. Поэтому «чужакам» трудно понять историю формирования стереотипа отношений между строителями коммунизма.

Даже для того, чтобы просто выжить, мы были вынуждены поколениями существовать в условиях тяжелейших компромиссов. Нас лишали права обижаться. Мы видели, что нужны только самим себе и больше никому. И так было слишком долго. Да и работать мы могли только там, где позволяли. И все – равно, никто так бесконечно не любил жизнь! Так, например, знаменитая московская актриса Серафима Бирман заканчивала постановку спектакля «Синяя птица» в «желтом» доме, причем с его обитателями в главных ролях.

На работе, хотя лодырями мы никогда не являлись, практически каждому приходилось сталкиваться с предвзятым отношением. И я, как уже писал выше, с доброжелательным начальством сталкивался, к сожалению, далеко не всегда. Искреннее огорчение по этому поводу должно быть понятно, я полагаю, любому человеку, потрудившемуся долго, причем не «директором Каспийского моря», а в экстремальных условиях неотложной медицинской помощи. Начальственная неприязнь обычно отравляет жизнь, треплет нервы, отнимает массу творческой энергии и времени, то есть, самое дорогое, что нам дано свыше. Это в футболе соперникам могут дать дополнительные полчаса на выяснение отношений, а в жизни – нет. Из четырех заведующих нашей кафедрой первым двум было просто не до меня – золотое, как потом выяснилось, время. Сталкиваясь в очередной раз с немотивированным и плохо скрываемым недоброжелательством, я вспоминал сына полка Ваньку Солнцева, который объяснял свою отставку в тыл тем, что «не показался капитану Енакиеву». Таких «капитанов» мне на жизненной дороге пути повстречалось немало. Иногда этнопричина просто «торчала», а чаще тщательно вуалировалась. С возрастом я стал относиться к этому спокойнее: ну что с такими чертами сделаешь. А недавно встретил в какой-то книжке веселую фразу: «он работал в заведении так давно, что последние два года ему часто снился начальник с большими ножницами в спине». Умеют люди пошутить.

С интересом, а иногда и с удовольствием, оглядываясь вокруг, я всегда легко знакомился, но трудно прощался: привыкал быстро. Почти со всеми, кого бог послал на жизненном пути, старался дружно жить и работать. Но даже тонны прокачанной моим сердцем крови не смогли смыть ощущение какой-то странной отстраненности, сначала навязанной окружающим меня социумом, а потом ставшей моим внутренним состоянием.

Вот и приходилось с этой «венецанской карнавалальной маской» на лице включать в подобных случаях пятую (юмористическую) передачу. Впрочем, злым и равнодушным к чужой беде человека сделать невозможно, если он сам этого не хочет. Надо просто выбирать для себя достойные примеры: в те жуткие дни, когда треть Армении лежала в развалинах после землетрясения в Спитаке, одним из первых ринулся на помощь В. Спиваков. И не с пустыми руками. А ведь некоторые местные «бизнесмены» в то горестное время спекулировали даже гробами. Вот такие личности, как Владимир Теодорович, и могут быть нравственным камертоном в вопросах интернационализма. Когда же его награждение орденом Дружбы народов совпало с началом военной кампании в Чечне, он, разумеется, от получения награды воздержался. Далеко не каждый человек обладает таким душевным тактом. Как же можно не гордиться своей принадлежности к такому народу.

Любое прошлое в качестве объекта научного исследования – это вотчина историков, социологов и т.д. Осмысление его происходит только тогда, когда под пером писателя или взглядом кинематографиста оно уже перетекает в настоящее.

Жизненный путь еврея обычно не усыпан розами при любом «изме», тем более, при том, который с «человеческим лицом», но совершенно другим набором внутренних органов. Во все обозримые периоды цивилизации наша жизнь была слишком сложна и противоречива, при этом изрядная часть возникавших проблем часто представлялась практически неразрешимой.

Иллюстрацией последнего положения является иронический анекдот времен Древнего Рима, который Бертольд Брехт приводит в своих «Делах господина Юлия Цезаря»: один из сенаторов спрашивает: «А где Гай Юлий Цезарь?»

Ответ: «Он вышел на пять минут – решить еврейский вопрос».

Мне, как и многим представителям моего народа, пришлось пережить время оторванности от своих этнических корней. В детстве, на амурской военно-морской базе, мои соплеменники были как лейкоциты в поряточной моче – единичные в поле зрения. Задавать вопросы было особенно некому, да и говорить на подобные темы тогда никто не рвался. А мне они и в голову не приходили. Людям, которые тогда слишком крепко держались за свои корешки зубами, их иногда вырывали вместе с головой. Аналогичных мишеней в России было много во все времена. Одних выкуривали из ущелий, других вымораживали в различных тундрах, третьих загоняли «за Можай» или «куда Макар...». Постепенно формировался пласт людей системы «перекати - поле». А ведь отдельно взятый нормальный человек, как и весь спокойно живущий народ, всегда идет по жизни, неся в себе прошлое, настоящее и будущее. Три времени. Без связи с этим триединством все основы бытия прогибаются под малейшим натиском, буквально дуновением ветра перемен. Как у нас и происходит сейчас. Очень хотелось бы, чтобы в многонациональном государстве у начальства, военных, актеров, дикторов и т.д. были такие же очень разные лица, какие мы видим на наших улицах, а СМИ вещали во всех тональностях и для всех национальностей. Это тоже лечит от ксенофобии. А сейчас по экранам все еще бродят клонированные киноевреи, – картавящие недотыки, какими, вероятно, нас и хотели бы видеть деятели потерпевшей неудачу нацполитики советского разлива. Скоро они сойдут на нет вслед за их многочисленными прототипами, улетевшими на 4 часа южнее. Впрочем, расстраиваться руководству отечественного кинематографа не из-за чего: страна у нас все еще большая, этнография наипестрейшая.

Просто придется немножко потрудиться, подыскать на роли «ботаников», антикваров, ювелиров, маклеров и т.п., что-нибудь новое, например, небольшой северный этнос, который смотрит на все очень прищурившись и злоупотребляет словом «однако». И все дела. А еще лучше было бы научиться работать без трафаретов и дешевых штампов, а также повторов и плохо замаскированного плагиата. Иначе скоро многомиллионные телезрители и радиослушатели начнут гоняться друг за другом по все еще бескрайним просторам нашей отчизны с серпами и молотами. Или булавами и кинжалами. Правда, когда я вижу сегодняшнюю эстонскую рекламу таблеток для похудения со слоганом «В Бухенвальде толстых не было», меня волнует только конкретная судьба моего небольшого этноса, а не общетеоретические предпосылки интернационализма. Ведь

Все мое небольшое воинство -
Чувство собственного достоинства
И душа моя иудейская,
Не приемлющая злодейское,
Еще память – струна звенящая,
Где все прошлое – настоящее,
Где ушедшие, но хранимые.
Все друзья мои и любимые,
Что дорогой своею следуют,
Но сомной до сих пор беседуют.

Участь антисемитов в нашей стране трагична: евреи заканчиваются.

Недавно я узнал, что якуты в числе своих предков числят Чингисхана. Австрийцы считают своим немца Моцарта, а собственного земляка - австрийского ефрейтора Шикльгрубера (Гитлера) – объявили немцем. Все стараются найти предков поблагодаристойнее. Так устроены люди.

Так было и будет. Да, в XXI веке они знают больше, но, как говорил один весьма ученый муж, «никто не знает, как из протонов, электронов и прочих обозванных элементарными частиц складываются совесть, любовь, радость, толерантность к другим и им подобные жизненно необходимые вещи».

Для каждого порядочного человека чувство национальной гордости – могучая штука, но иногда приходится «учитывать складки местности». В соответствии с канонами социалистической «толерантности» знаменитый бас Большого театра Иван Краузе, этнический немец, чуть не зачах в ожидании признания своих вокальных заслуг. А затем, поразмыслив над происходящим и по застольному совету одного из своих доброжелателей, взял фамилию жены. Вскоре он, уже в качестве Ивана Петрова, получил две Сталинские премии. Казалось бы, мелочь, всего на одну букву фамилия стала длиннее, а какой эффект! Любимой многими актрисе Татьяне Васильевой сразу объяснили, что с ее паспортной фамилией Ицкович в отечественном кинематографе делать нечего. Не считаю уместным это комментировать и осуждать ее, как и многих других, кто «взял псевдоним». За их спинами дети, престарелые родители и другие маломощные и немощные. Мы в ответе за всех кого приручили. У меня просто не было такой необходимости, вот я и прожил свой медицинский полувек со своим «странным» отчеством. К тому же мне оно всегда нравилось и казалось очень симпатичным. Мы все очень разные, но это не должно мешать нам жить рядом, не конструируя никому из соседей «прокрустово ложе».

В своей пока первой и последней поездке по Израилю я перемещался в основном автобусным способом, но времени старался не терять даже на ходу. Вот одно из «оконных наблюдений»: шабат, в субботу улицы квартала, где кучно проживают ортодоксальные верующие, были пустыны.

Один - одинешенек по улице перемещался специфической брейкдансовой походкой юноша с ДЦП (детским церебральным параличом) и развевающейся на щеках жидкой растительностью: день был ветреный. Глядя на него я сразу вспомнил Довлатовское:

«Люблю тебя Виталий

От пейс до гениталий».

И боль сердечная, и смех и грех. Мой народ будет на Земле всегда, потому что он умеет посмеяться и поплакать над собой. Кто-то пошутил, что в Израиле проживают евреи разных национальностей. Рано или, к сожалению, поздно жизнь должна всех научить жить вместе: Земля достаточно велика даже для избыточного количества придурков.

Человек не волен в месте своего рождения. Даже гетто может стать малой родиной. Кстати, не стоит намертво привязывать это горестное слово к нам. Вполне уместно вспомнить судьбу первохристиан и их катакомбы, американских негров, а также будущих «космополитов», совершивших знаменитую прогулку по дну морскому. Многие, кто в годы погромов и разгула антисемитизма думал, что ограничатся нами, вскоре поняли, как они ошибались. Не стоило им забывать старый, но нетленный, анекдот времен бессмертного армянского радио, в котором взрослые дети просили погибающего отца посоветовать, как им дальше жить. И он ответил: «Дети мои! Берегите евреев: закончат с ними - за нас возьмутся!».

В последние десятилетия мы все увидели, как легко любую «сказку сделать былью»: тень небольшой Чечни сейчас смогла заслонить только мгла Украины. Всем нам толерантней надо смотреть друг на друга, намного терпимей. А иначе – кто следующий?

На всем нашем этносе столетиями лежит печать незаслуженного изгойства. С подобным отношением, повторю, сталкивались многие народы, и ни единого раза в истории это не привело человеческое сообщество ни к радости, ни к счастью.

Возможно, что судьба конкретно нас наказывает за то, что мы придумали «козла отпущения». Как известно, древними евреями был разработан свой способ химчистки для души: брали козла двумя руками за рога, затем возносили молитвы об отпущении грехов путем передачи их рогатому - бородатому и «отпускали» (выгоняли) его с глаз долой – в пустыню, где бедолагу ожидал «полный кирдык». Впрочем, подобных мудрых нанорешений полно и у других народов. «По уму» ведь все это не объяснить. Разница, чаще всего, лишь в том, на кого перекладывается вина за собственные грехи. Не здесь ли кроется причина того, что

Всегда полно галлюцинаций
На тему о единстве наций.

Конечно, и у нас есть особенности. Это неисчерпаемое терпение, закаленное веками гонений, иногда раздражающие окружающих сплоченность, настырность, предприимчивость и изобретательность, а также способность, стремление и умение адаптироваться к тяжелым реалиям жизни. И, повторюсь, редкая способность к самоиронии. Художественный руководитель Пушкинского академического театра военных лет Л.С. Вивьен как-то описал «забавный» эпизод. В суровую годину Отечественной войны, когда театр был вывезен из Ленинграда в Новосибирск, явился к нему с просьбой о работе оголодавший художник, эвакуированный из пригорода Витебска. Этот небольшой город был, как известно, одной из культурных столиц еврейской резервации, располагавшейся за чертой оседлости, нанесенной на карту России милостивым указом царя-батюшки. Эта черта, позволю себе напомнить, была официальной границей территории, где было разрешено евреям проживать постоянно. Вивьен доверчиво заказал живописцу, вероятно, как земляку знаменитого М. Шагала, оформление к задуманному шекспировскому спектаклю. Когда тот принес эскизы, худрук ахнул: «Послушайте, милейший, обстановка не та, природа не та, вся атмосфера не та!» «А питания та?», - воскликнул творец.

Извечное полемическое своеобразие мышления, моментальная реакция и способность к трагикомическому восприятию окружающего мира, вероятно, и являются тем удобрением, на котором «взошла» тучная нива еврейской юмористики, которая стала спасательным жилетом для целого народа. Мы, в конце концов, только один этнос из ста с лишним в нашей стране, почти у каждого из которых хлопот полон рот. Теоретически у нас, как и во многих других странах, государством провозглашались библейские идеологемы. Но когда в стране начинала хозяйничать любая беда, власть норовила сделать козлом отпущения именно наш народ, тратя время и средства на организацию ограничений, гонений и погромов. Не часто. Где - то раз в поколение.

Зычный клич «Россия для русских» это все та же старая флейта, с помощью которой в известной сказке уже заманивали в воду и топили некоторых длиннохвостых млекопитающих. Для тех, кто дружит с головой – «Россия для всех ее граждан». Только если не забывать, что у нас в стране целое море этносов, можно надеяться, что недоумкам не дадут в очередной раз развалить страну и вырыть еще глубже демографическую яму, через которую страна пытается с таким трудом перебраться. Злые семена ксенофобии живучи, как возбудители сибирской язвы. А эта зараза практически неподвластна времени.

Известный литератор Наум Зиновьевич Кислик писал в своих заметках: «Всякое незаслуженное страдание, унижение, боль, страх, тяжкое душевное потрясение, на которые был так щедр 20-й век, могут остаться миной замедленного действия в генах и взорваться в последующих поколениях. Вот это и есть глубинная суть выражения, гласящего, что «ничто не забыто». В Союзе, к сожалению, отношения между народами на практике воспитывались долгие годы по анекдоту: «Вы слышали, у Хаймовича дочь – проститутка!

- Так у него же сын.

- Ну, мое дело сказать».

Никто не может позволить себе жить «на проценты» от истории своего народа, от той огромной духовной работы, которую проделали все предыдущие поколения, чтобы изменить и исправить окружавший их враждебный мир. Разумеется, вместе со всем остальным коллективом народов. Духовное продвижение требует собственных усилий от всех и каждого, поскольку мы пришли в этот мир не в качестве «нахлебников» и растиньяков, проматывающих наследство своих отцов. И если иногда случается, что успех или удача сопутствуют нам, то и на этот счет кое-что сказали мудрецы: «Если не трудился и достиг, - не верь этому результату – он видимость успеха. Только в том случае, если ты потрудился и у тебя, в конце концов, что-то путное получилось – это настоящий успех»: истинным может быть лишь то благо, которое ты заработал своими руками и мозгами. В противном случае оно превращается в «дармовой» хлеб, за который рано или поздно приходится краснеть. Впрочем, это тоже дано не каждому.

Во время визита в Польшу, канцлер ФРГ Вилли Брандт опустился на колени перед памятником жертвам Варшавского гетто, разделяя ответственность своего государства, хотя лично он к этим преступлениям, к самому трагическому геноциду в истории человечества не имел никакого отношения. Он просто повел себя как порядочный человек, у которого есть сердце. А мне не так уж давно довелось услышать от одного начальствовавшего коллеги, что «Холокоста вообще не было. Просто люди в концлагерях умирали от болезней». Вот так. Причем столь активно болели, что от миллиона евреев, проживавших в Польше, осталась тысяча! Во многих европейских странах подобное заявление давно считается уголовным преступлением и за него судят. Двенадцать миллионов глаз удивленно смотрят на нас из тьмы: «Холокоста не было? А куда же мы ушли?». Я слышал эти голоса еще в 1962 году, когда сидел в Варшаве на ступеньках мемориала: ноги не держали.

Следующий памятный знак Катастрофы повстречался мне прямо на городской улице только на склоне лет. Однажды я поехал в музей, посмотреть заново созданную Янтарную комнату, а нашел город своей мечты, в котором хотел бы прожить остаток жизни. Символично, что Пушкин, этот небольшой, но очень симпатичный городок, находится всего в 20 минутах езды от Витебского вокзала, расположенного в центре Санкт-Петербурга. Короче,

Как жаль, что мне не повезло,
В тебе жить, Царское Село.

Более чем через полвека после Холокоста на одной из центральных улиц бывшего Царского Села мы с женой случайно обнаружили памятник, созданный знаменитым Сидуром в его традиционной апокалиптической манере. Вадим Абрамович Сидур, со свойственной нашему брату самоиронией, даже называл художественный стиль некоторых своих инсталляций «гробартом». Он (привет знаменитому прозаику) тоже был воином и инвалидом ВОВ. Вероятно поэтому работы Сидура стали, в целом ряде случаев, памятниками людям, погибшим в военное лихолетье. Одна из них использована как скульптурная основа для монумента, установленного в г. Пушкине. На пьедестале его выбито: «Евреям г. Пушкина, павшим жертвами фашистского геноцида 1941г. ...Пролили кровь их, как воду... и некому было похоронить их».

Памятник жертвам Холокоста в г. Пушкине

Не так часто в наших городах можно увидеть такой символ памяти. Обычно только на кладбищах. В Пушкине, как и на всей оккупированной врагом территории, погибло множество людей разных национальностей, в частности, жены и дети командиров Красной Армии, не успевшие эвакуироваться, да и другие жители города, выданные местными предателями. Встречались и такие. Сидуровский памятник был установлен на деньги, собранные частными лицами и еврейскими организациями разных городов, включая и Петрозаводск.

А вот в деле с Варшавским гетто не все так просто. Его узниками двигала не столько надежда на спасение, сколько стремление отдать жизнь как можно дороже, то есть, с оружием в руках. Этого-то оружия польская подпольная Армия Крайова «жидам» как раз и не дала. Вскоре после войны правительство Гомулки успешно закончило начатое этой армией дело: оставшиеся в живых и вернувшиеся на Родину штучные евреи были выдвлены из страны. А я их еще застал в почти социалистической Польше. В 1962 году вместе с группой других строителей коммунизма, мне довелось побывать в гостях у этих товарищей по соцлагерю. В Гданьском студенческом кафе-диско «Жак» со свойственным молодым пацанам нахальством я пригласил на танец симпатичную солистку местного джаз - бенда. Языковый барьер нам не помешал: она немного говорила по-русски и много лучше меня владела идишем. Я ей сказал пару фраз о нашей поездке, спросил, как здесь живет. Девушка криво улыбнулась и сказала: «Никак. На следующей неделе двинем целым пароходом в сторону «исторической Родины». На глазах у нее были слезы. Вот такие «песни» громко звучали здесь в те времена. Впрочем, антисемиты прекрасно выживают и при загнивающем капитализме: «Молодых львов» я прочел достаточно давно и, таким образом, узнал все об особенностях службы американского рядового Ноя Аккермана. Ксенофобия, к сожалению, носит характер пандемии. Эффективное лекарство от этой заразы идеологами любых «измов» все еще не найдено: одного из самых знаменитых наших фотолетописцев времен Великой Отечественной войны

орденоносного Е.А. Халдея уволили через пару лет после ее окончания за «профнепригодность». На самом деле, «вдруг» выяснилось, что он еврей. Злую и лицемерную власть того времени уже покинули тревоги военных лет и страх за собственную шкуру. И сразу появилось желание заняться черносотенством. Недавно состоялась персональная фотовыставка этого Мастера, естественно, посмертная, и там вышеизложенная неприличная проделка была предана огласке. Какая-никакая, а все-таки подвижка. Темпы только, как у сороконожки. Эта история, к сожалению, стала одной из тысяч ей подобных. Как ни удивительно, в послевоенные годы нашу страну, победившую нацизм, накрыла очередная волна антисемитизма. С ощеренной «мордой лица» рассказывались анекдоты, центральной в которых была милая идея, что все евреи во время войны сражались на «Ташкентском фронте». А ведь наш маленький этнос, с гордостью повторю, оказался на четвертой позиции по числу Героев Советского Союза. Кривые годы, лживое время. Снова в бытовых перепалках зазвучало погромное «жид» в адрес невинных птиц. Вероятно, опять начала раздражать их жизнерадостная активность и умение найти «жемчужное зерно» даже в социализме. В книге знаменитого барда и профессора-океанолога А.М. Городницкого я нашел строчки, посвященные невинно пострадавшему из-за нас воробыному племени:

«Только он мне по-прежнему дорог,
Представитель пернатых жидов,
Что, чирикая, пляшет «семь сорок»
На асфальте чужих городов».

Тот, кто помнит городской фольклор тех лет, поймет меня сразу и правильно.

С профессором Александром Моисеевичем Городницким я имел честь родиться на одном острове (Васильевском), правда, он обогнал меня на пятилетку. Ему принадлежат и другие, не менее дорогие мне, строки:

«Полюбил я Васильевский остров,
В мире равных которому нет».

Полностью солидарен с ним. Дочитав последние страницы его книги воспоминаний о той поре, я понял, что хотя мы жили после войны в совершенно разных концах необъятной родины, но рады нам везде были одинаково. Но память о моих родителях, о боевом прошлом и настоящем многочисленной родни, ее мужестве даже на краю расстрельной ямы, всегда удерживала меня на главу, заставляла учиться гнуться до боли, но пружинить, а не ломаться. И никогда не опускать голову ниже рационального допуска.

За прошедшие годы многое в нашей стране изменилось до неузнаваемости. Воробьев, наконец, оставили в покое, но сама проблема жива до сих пор: только теперь через 70 лет после нашей победы в ВОВ в 14-м блоке Освенцима вновь появился *Российский* филиал музея памяти павших в этом концлагере. Лучше поздно, чем никогда.

Значит, не зря мой дед Мендель больше 100 лет назад был ранен под Порт-Артуром при защите российских рубежей. Еще под прежним знаменем с двуглавым орлом.

Под сенью крыльев гордой птицы
Встречались и картавых лица,
Пока на них партийный мор
Не напустил кавказский вор.

Сталкиваясь со всем многообразием проявлений нашего всеобщего несовершенства, нет смысла и оснований вставлять в позу праведника и лишний раз напоминать другим о предстоящем Высшем Суде. Надо просто продолжать жить, причем так, чтобы другим стало скучно, когда нас не будет. Главное, следить за дорогой и не слишком «торопить лошадей». Все равно их можно только загнать в воду, а заставить пить ее невозможно.

Надо бы уже высечь на камне, что мы все разные. Благостные разговоры об атмосфере всеобщей любви являются, к сожалению, химерами, порожденными нашей общечеловеческой склонностью выдавать или (и) принимать желаемое за действительное. Та черта, за которой жили и умирали мои предки при царе – батюшке, при советской власти превратилась в пунктир, а сейчас стала сырьем для множества эстафетных палочек. Я бегу с одной из них в руке уже довольно давно, а передать некому: ассимиляция сделала свое дело.

Из серии
«БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»
вышли в свет:

Бен Гирш. Азбука иудаизма

Дмитрий Цвибель. Время любить

Из еврейской поэзии. Сост. Иосиф Гин

Нохим-Залманович. Еврейские пословицы

Давид Генделев. Из истории еврейской общины Петрозаводска

Имена и судьбы. Сост. **Юлия Генделева**

Залман Кауфман. Невыдуманные рассказы

Евреи Карелии. Сост. М.Бравый, И.Шегельман, Я.Бравый

Залман Кауфман. Зяма

Дмитрий Цвибель. Судьбы, опаленные войной

Дмитрий Цвибель. Мой еврейский вопрос

Дмитрий Цвибель. Лидеры

Дмитрий Цвибель. Мой папа

Лев Хорош. Судьбы еврейские

Дмитрий Цвибель. Август 91-го и после

Иосиф Гин. Хочу рассказать...

Софья Лойтер. Частички бытия

Наталья Лайдинен. Звезды на северном небе

Наталья Лайдинен. Свет исцеления

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК»

Выпуск 20

*Редактор
Дмитрий Цвибель*

Издательство «Принт», Лицензия ИД № 01283
от 22.03.2000г.

Отпечатано: ООО «Два товарища».
Республика Карелия,
г. Петрозаводск, Лесной пр., 51.

Тираж 300 экз. Заказ № 455